

Воспоминания

© Евгений Рухмалёв

«ММ» продолжает знакомить читателей с фрагментами документальной книги Людмилы Коноваловой «Родословная. Память».

Весной, как только земля оттаёт, бригада идёт на субботник в парк Металлургов. Копаем, листву сгребаем, ведь нам же в парк ходить. Там и концерты на площадках, и фильмы в залах, и аттракционы. На танцплощадку ходим всей сменой, и на стадион, и на субботники.

Но вы же в субботу работаете? – спрашивает мама.

После смены – на субботник.

Старые бараки на территории комбината ломаем. Убираем оставшиеся после строительства новых цехов глыбы бетона, кирпичи, шланги, стёкла. Бывают общекомбинатские субботники и воскресники. Собираемся возле памятника Ленину на Комсомольской площади. Танцуем под музыку. Потом идём на территорию комбината через проходную № 1. Руководят субботниками из горкома комсомола – Гена Конев, Сергей Есько, даже Пётр Грищенко. На цеховых субботниках руководит Василий Парфеньевич Рюмин. Он – воспитатель, хозяйственник, знает, где применить молодую рабочую силу. Организовал в цехе конструкторское бюро. Я тоже была на занятии. Какие-то рационализаторские предложения разрабатывали. Девчонки, которые пришли в цех после техникума, такие грамотные, умные: Тамара Вахницкая, Галя Фролова, Надя Жилина. Василию Парфеньевичу сказала, что ничего не понимаю в расчётах, формулах.

Учиться надо!

Ни в чём не хочу отставать от городских девочек. Они поступили в институт, и я тоже – в педагогический. Девчонки участвуют в художественной самодеятельности, и я за ними. Нет у меня слуха, петь не могу, плясать не могу, зато стихи читаю. Девчонки и ребята пошли в аэроклуб, и я стала заниматься парашютным спортом. Об этом всём деревенским рассказывала, даже сосед наш, Иван Антонович Дружинин, бывший кавалерист

Работать по-стахановски

Как боролись за звание бригады коммунистического труда

армии Будённого, вынул трубку изо рта и слушал на завалинке. Потом сказал маме: «Люба работает, учится, с хорошими людьми встречается. Будет толк».

Девяностолетний Иван Антонович самый умный в деревне. Ну, если, Иван Антонович сказал «будет толк», так ко мне на завалинку вечером пришли ребята и подростки. Я рассказывала, как управляюсь с парашютом, что в городе есть аэроклуб. И пошло по деревне: мол, Люся-то хорошо устроилась.

Дак чё? Теперь при желании паппорт можно выправить и в город уехать, – судачили бабы.

И в город не надо уезжать. В депо можно выучиться на токаря-то. Эка невидаль, токарь! В мазуте да в дыму, – говорит Катя, работающая в Доме советов истопником.

Рассказала о нашей молодёжной смене. Взяли мы обязательства работать без травм, без поломок станков, и чтобы каждый участвовал в общественной работе, борясь за звание бригады коммунистического труда.

Я постоянно подглядываю в свой конспект, из рук его не выпускаю.

Общественная работа – это работа после смены. Мне, например, поручили культмассовый сектор: в кино, на концерты приезжих артистов и даже на оперетту веду я рабочих цеха. Кто-то за спортивный сектор отвечает. На водную станцию идём, соревнуемся на байдарках. Кто-то за производственный сектор отвечает – это работа с наставниками, шефство над школой. Когда рассказываем, какая интересная работа токаря, старшеклассники на нас смотрят как на героев труда. А нам ещё учиться и учиться. Василий Парфеньевич говорил, что токарь – не сразу токарь, а лет через пять. Когда освоит все операции и станет универсалом.

Я теорию мало-помалу изучила. Преподаёт сам Василий Парфеньевич – настоящий интеллигент, старый инженер-металлург и очень интересный старичок. Учит кушать аккуратно, одеваться опрятно. У него хромовое коричневое пальто с красивыми пуговицами и пряжкой.

Ну, наверно, не хромовое, а кожаное. Чать, хром-то на пальто не идёт.

Мама знала толк в кожах, сама выделывала овчины.

Тонкими пальчиками Василий Парфеньевич берёт мелок и пишет на доске расчёты режимов резания.

Твой начальник, чать, тяжелей карандаша ничего в руках не держал, – встречается в разговор брат, «танкист-тракторист» Николай.

А ему и незачем быть тяжело-весом. Он – руководитель, – рьяно защищаю своего начальника.

А руководить – значит рукой водить, – подначивает Николай.

Чтобы «рукой водить», надо много учиться, много знать. Да вы бы видели этот гигант индустрии – наш ММК, – опять подсматриваю в конспект. Знающие руководители должны быть настоящими инженерами. Нам Василий Парфеньевич предрекал, мол, будете хорошими токарями-универсалами, хорошими технологами, конструкторами, мастерами, значит, толковыми инженерами станете. Ты свой трактор знаешь, за него отвечаешь. А там – горячий металл.

Как она защищается, – смеётся Николай. – Ну и правильно, тебе работать с интеллигентными начальниками. Наш отец тоже любил металл. Всю жизнь в кузнице работал и даже на войне четыре года ковал лошадей. И поразился бы за тебя, за твой характер.

Я начинаю нескончаемый разговор о любимой работе:

Нас в цехе грамотными считают. Старые рабочие после ФЗО и с семилетним образованием удивляются, что мы со средним образованием и – на станок! Из Воронежа прислали к нам выпускников училища, которые самостоятельно работали на станках. Эдик Палей и Женя Шутов и на станке передовики, и на сцене. Володя Заверский, Женя Потапов, Володя Поченюк, Сергей Костомаров, Витя Прыгунков – все поступили учиться в горный. Поступили и Тамара Вахницкая, сестрёнки Тершуковы, Алла Мазанникова. Мы с Валею Лещевой – в пединститут. Теперь мы все боремся за звание...

А чего вы всё боретесь, боретесь? А нельзя просто работать?

Да, подкусила ты меня, мама, – смеюсь я. – А ведь это только в наших обязательствах написано «бороться», на самом деле мы должны работать по-стахановски.

Николай пропел: «Мы стахановцы, стахановцы, /Стахановцы везде, / Уработались стахановцы, / Уснули в борозде».

Не надо, у нас никто не уснёт. Нас учат работать самоотверженно, – заглядываю в конспект, – учат подводить итоги по всем показателям.

И опять возвращаюсь к разговору о бригаде:

Одна девочка нас подводит. Это боль всей бригады. Она – сирота. Родители погибли в войну на Украине. Воспитывала её тётя. Приняли Галю Вербу в цех уже с разрядом токаря. А мы ещё учимся. Получаем стипендию триста пятьдесят рублей да еще по нарядам – что заработаем.

Дак ты ещё с этой стипендией посылаешь нам посылки? Зачем? – удивилась мама.

Мне так хочется порадовать детишек. Вот купила одеяло верблю-

жье за сорок шесть рублей. А какое удовольствие выбирать ситец: красивый, по пятьдесят три копейки за метр. А отослать посылку – рубль двадцать. Не разорюсь, на питание хватает. Рассчитываю: в кино по двадцать копеек билет, на концерт приезжих артистов – по пятьдесят копеек.

А Галя уже имеет заработок, но в кино со сменой не ходит, на политзанятия не идет, в театр не дозвёшься. Какая-то дикая девчонка, одиночка.

В душевой после смены моемся, переодеваемся. А Галя снимет в душевой комбинезон, натянет свитер зелёный, закроет шею грязную. Ресницы не хочет смывать. Они у нее пушистые, загнутые, как опахла. Галя – красивая девчонка. Повадилась она наши карманы чистить. Ящики в душевой не закрыты. Вернее, закрываются, но замочки у всех одинаковые. Перед авансом и перед расчётом женщины обнаруживали в карманах недостачу. Там и были-то копейки! Рабочие живут от полочки до аванса, рассчитывают, экономят. И эта маленькая красивенькая девочка – воровка? Прямо в голове не укладывается. Организовали собрание в красном уголке.

Мы тебя со второго этажа спустим, сразу отгучим воровать, – кричали разъяренные женщины.

Наша смена борется за звание «Молодёжная смена коммунистического труда», – говорю я. – Беру её на поруки. Думаю, смена меня поддержит. А калечить человека никто вам не позволит!

Вечером Галя заявила ко мне. Чёрная шинель, берет, фэззушные ботинки.

А где твои вещи?

У меня ничего нет.

И стали мы жить с Галей. Носили с колонки воду, грели, топили печь, стирали в цинковом корыте на ребристой стиральной доске. Пока я на занятиях, она вечером простирает и прокипятит белые простыни, наволочки.

Куска три хозяйственного мыла настругает ножом. И свою спецовку простирает. Матушка учила меня не лезть к ней с нравоучениями: «Где ей научиться-то полы мыть, чать, там полы-то земляные. Замуж выйдет, со свекровью жить будет, всему научиться. И сама не заносись, не гордись».

Женщины хотели выпытать, как Гале живётся с наставницей.

Хорошо, – отвечала им Галя.

Стала она с парнем хорошим встречаться.

Ну и слава богу. Может, замуж выйдет, – пожелала мама ей добра.

В деревенской избе Галю Вербу жалели все.

Снова о моём начальнике. Подглядывая в конспект, зачитываю его слова: «Настанет время, когда станочники будут с инженерным образованием. Вы представляете, станочник с высшим образованием! Научно-исследовательские институты разрабатывают станки с числовым программным управлением. Без знаний – никуда».

А как ваша бригада стахановская поживает? – спрашивает Николай.

Николай – мой старший брат, 1922 года рождения. У него четыре класса образования. Он мои задачи решал арифметическим способом. Преподаватель говорила, что задачу только алгебраическим способом можно решить. Когда я показывала его решение, учительница говорила: «Умный твой братик». Он – участник Великой Отечественной войны. Не пришлось ему учиться. Способности у Николая, тракториста колхоза «Заветы Ильича», удивительные

Всю ночь бился, но решил! – радовался Николай.

Ну зачем ему это нужно? – думала я.

Я твои иксы не знаю, мне интересно подходить к решению исподволь.

Да, была у Николая светлая искорка в голове.

А бригада наша, может, и стахановская, но звание коммунистического труда так и не получила. Не выткнули по некоторым показателям. Не из-за Гали. Она исправилась и работала хорошо.

Подготовила Ирина Коротких

Продолжение следует.

Парк металлургов. 50-е годы

Субботник, март 1961 года